

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Том 1

СОРВАННЫЙ ВЕНЕЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Начало августа, Иоаннесбург
Марина

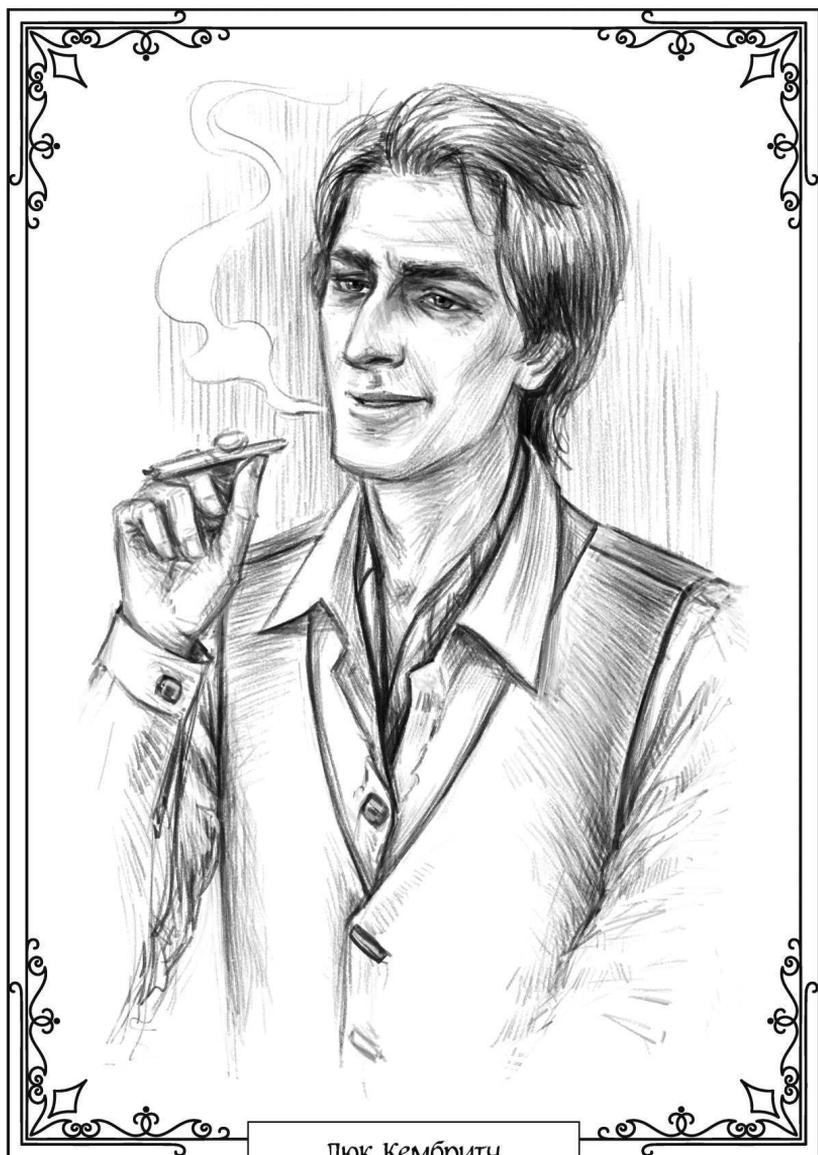
Бензина не хватит, — с досадой сказала я, глянув на недвусмысленно загоревшийся красным огонек на приборной панели. Три мои сестры, только что загрузившиеся на заднее сиденье и предварительно сложившие пакеты с едой из торгового центра в багажник, дружно застонали.

— И куда мы доедем? — с отчаянием спросила Полина. Я и сама была готова застонать, ибо время было позднее, и тащиться с тяжеленными сумками к отчужденному дому на общественном транспорте, пусть даже у всех были проездные, не хотелось. Да и успеть бы на этот транспорт! Электрички в наш областной городок ходят до половины двенадцатого, а сейчас уже полоннадцатого. Вокзал расположен на другом конце города, и что напрямую, что по кольцевой — топлива вряд ли хватит. Мы отправились в торговый центр сразу после того, как я закончила смену, и денег на покупки у меня было впритык. И последние я, как умная, потратила на крем для рук и ночнушку — старой уже можно было только полы мыть, да и руки мои после работы в больнице выглядели словно у сорокалетней.

— Я что, оракул? — огрызнулась я. — До заправки дотянули бы точно, если было бы чем заплатить. А теперь как получится, все лучше, чем тащиться домой прямо отсюда. Если заглохнем — перегрузимся и понесем вещи на себе, аки верблюдицы.

Очередной дружный стон был мне ответом. Я завела машину, и она ответила уверенным мурчанием. Ах ты ж моя кошечка, не подведи, довези! Довезу как смогу, ответила моя старая, почти отслужившая свое кошечка, однако не на святом духе же.

Мы тронулись и покатались через ярко освещенную парковку к дороге, которая пролегла мимо огромного торгового центра и выводила на кольцевую. Машин практически не было, я крутила руль, погружившись в невеселые мысли и в недобрые предчувствия. Успеть бы до электрички.

Люк Кембритч

— Мариш, погоди! — заверещала сзади та же Полинка. Она сидела наискосок от меня и смотрела в окно. — Стой! Сдай назад! Смотри, там мужик стоит около остановки маршруток, давай его подбросим куда нужно, а он нам заплатит, нам же много не надо на бензин-то!

Идея была здравая, но я по природе такой застенчивый человек, что скорее руку себе отгрызу, чем навяжусь кому-то или попрошу об услуге. Впрочем, я давно научилась скрывать неуверенность в себе за показной бравадой и едкостью.

Я сдала назад — девчонки взволнованно запищали — и остановилась возле потенциального попутчика. Увидела через стекло только, что он опирается на трость, открыла окно. Мужчина чуть помедлил и наклонился.

— Здравствуйте, — сказала я самым нежным и завлекательным голосом, на который была способна. — Может быть, вас подвезти?

Он был как-то впечатляюще некрасив, даже возраст определить не представлялось возможным. Черты лица, состоящие из углов, крупный нос, широкий рот, мощные брови и большие, чуть сощуренные глаза. Мужчина усмехнулся, перевел взгляд на моих сестер. Девочки все тоже старательно улыбались и просто излучали радостное желание подвезти незнакомого и несимпатичного хромого мужика туда, куда тот скажет.

Наконец он заговорил.

— Нет, спасибо. За мной уже едут. Да и вред ли вам со мной по пути.

Голос у него был спокойный, низкий, немного насмешливый и будто чуть простуженный. Неудивительно, если учесть, что он курил, и сигаретный дым проникал через окна в машину.

— Нам с вами по пути, по пути! — вразнобой заверили сестры, а я промолчала — зачем навязываться.

Но, видимо, на наших лицах отразилось такое разочарование, что он помедлил, уже с открытой насмешкой разглядывая нас и не отнимая руку от окна, а затем со словами «Впрочем, почему бы и нет» открыл дверь, выбросил сигарету и забрался внутрь.

Машина сразу показалась очень маленькой, мужчина мгновенно заполнил ее чужим запахом. Крепкий табак и свежая туалетная вода. Пассажир был высоким и сложился чуть ли не втрое, поморщившись, когда сгибал правую ногу. Трость он положил поверх колен.

Я тихо тронулась с места, глядя прямо перед собой. Было ну очень неловко.

— Вы не хотите спросить, куда мне? — Ирония в его голосе просто убивала. — Или милые дамы решили меня похитить?

— Да, и правда, — я заставила себя улыбнуться, — куда вас подвезти?

— В центр, на Императорский переулок, дом три. Знаете, где это?

Знала ли я? Конечно, я знала. Это было что-то из прошлой жизни, где мы не считали деньги, а работать членам нашей семьи считалось просто невозможным.

— Знаю, — сухо ответила я, чем заработала косою взгляд с его стороны.

Так мы и поехали: я — старательно глядя только прямо или в зеркала, он — беззастенчиво разглядывая меня или посматривая на дороге, а сестры сзади — в каком-то траурном молчании. Они, видимо, тоже стеснялись. Или, как и я, вспоминали. Хотя Каролинке тогда было всего четыре года.

Мы ехали минут двадцать, и моя красавица с моторчиком даже не фыркнула. Я стала робко надеяться, что дело не в бензине, а в неисправности его индикатора и что, может, доберемся-таки до дома без приключений.

С оживленного центрального проспекта, где, несмотря на поздний час, машин было много, а света еще больше, мы свернули в тихий проулок. Еще несколько поворотов и пять минут поездки — и мужчина кивнул влево:

— Остановите здесь, пожалуйста.

Да. Огромный дом, выглядывающий из глубины утопающего в зелени сада. Невысокие, но явно недоступные для незваных гостей ворота и витая ограда вокруг. Горящие окна только на третьем этаже — там, где традиционно живет прислуга. Автомобильная дорога до дома, освещенная наземными фонариками. Деньги, власть и многие поколения аристократии. Я почувствовала, как у меня встает комок в горле.

— Конечно, — произнесла я вежливо, развернулась и припарковалась у ворот дома.

— Спасибо, — сказал мужчина, открыл дверь, не без труда выбрался из машины под наше гробовое молчание и вышел.

Мы посидели немного, наблюдая, как он медленно, хромя и опираясь на трость, идет к воротам, открывает маленькую калитку, проходит внутрь, и тут неугомонная Полина озвучила общую мысль:

— А как же деньги?

У меня не открылся рот попросить у него денег. Если он сам не сообразил, то как-то неловко... Да, я дурочка и поступила глупо и нелогично, но что поделаешь, если в таких ситуациях, когда надо просить для себя, у меня все противится внутри и отнимается язык?

— Может, доедем без дозаправки. — Оптимизма в моем голосе было хоть отбавляй.

Но не тут-то было. Не отъехав от дома и трехсот метров, машина встала прочно и бескомпромиссно.

Я в ярости вышла из автомобиля, достала пачку сигарет и закурила. В нашей семье курила только я одна; впрочем, работая в хирургии, трудно не закурить. Девчонки выбрались из салона, окружили меня. Переулочек был глух и тих, ближайшая заправка из тех, что я помнила, — в двух километрах отсюда, а метро — рядом с ней. Автобусы в этом районе не ходили — у аристократов, живущих здесь, просто не было в них нужды.

— Может, бросим машину и продукты, дойдем пешком до метро, а завтра вернемся и заберем? — предложила молчавшая до сих пор Алинка.

— Продукты испортятся, — тоскливо протянула Полина, — да и посмотри, какой квартал. До завтра машину обязательно эвакуируют, потом ищи ее на штрафстоянках и выкупай. А откуда мы деньги возьмем?

Пухленькая Каролина ожесточенно жевала пончик и молчала. Она всегда ела, когда нервничала, и надо бы ее показать психологу, но он стоил больше, чем содержание машины или пончики.

Я докурила, пальцы мои дрожали, как всегда перед отчаянным шагом. Было дико страшно.

— Я сейчас все решу, ждите в машине. — И я пошагала обратно, к дому, у которого мы высадили попутчика.

Подошла к воротам, позвонила. Засветился экран справа, появилось изображение охранника.

— Что вам нужно?

Я тряслась как заячий хвост.

— Я владелица машины, довезла хозяина дома, ну вы видели ведь? — По его лицу было непонятно, слышит он меня или нет. — Дело в том, что он забыл кое-что.

— Сейчас к вам выйдет охранник, отдадите, — отчеканил сидящий в экране.

— Да нет, нет, — суетно заговорила я, — он не вещь забыл, а забыл нам кое-что отдать.

— Зайдете завтра, заберете, в такое время я беспокоить хозяина не стану.

— Но я не смогу завтра зайти, — с нажимом произнесла я, — мне надо сегодня!

— Извините, ничем не могу помочь, — и экран погас.

Я повернулась спиной к воротам, прислонилась к ним. Снова закурила. В трехстах метрах отсюда, в машине, полной необходи-

мых нам продуктов, сидели сестренки, которых везти ночью на общественном транспорте ой как не хотелось. Пусть из-за летних каникул завтра никому не надо в школу или в институт, перспектива ночевки в машине тоже не вдохновляла. Я побилась легонечко о холодный металл затылком, стало полегче. Звонить отцу или старшей сестре? Это значит искать стационарный телефон, будить соседку. У нас мобильных не было, да и чем помогут родные? Я стала лихорадочно вспоминать знакомых или коллег, к кому могла бы обратиться. Беда, что старых друзей не осталось, а с новыми я, памятуя о старых, сходилась очень трудно.

— Проблемы? — раздался сзади насмешливый и хрипловатый голос.

Я обернулась. Оказывается, он все время сидел рядом, на скамейке, расположенной у ворот и укрытой от лишних глаз какими-то цветущими кустами.

— Что вы, — со злостью сказала я, — никаких проблем.

Оттолкнулась от ограды и, громко топая, пошла вверх по улице, к машине.

* * *

Оставшись без собеседницы, Люк покачал головой. Ему сразу стало понятно — нервничаящим девицам что-то от него нужно, поэтому он и не сдержал любопытства, сел на свой страх и риск в машину. Да, начальство по голове за это не погладило бы, благо оно не в курсе его авантюры. Милые попутчицы вполне могли оказаться нанятыми убийцами, похитителями или подосланными забраться в койку, чтобы завтра появился благородный папаша с дюжиной свидетелей и священником. Поэтому Люк всю дорогу ждал, пока заговорит старшая.

Что-то точно было нечисто, так как она старательно не смотрела на него, а уж сидела с таким выражением на лице, будто сейчас оторвет от напряжения руль. Девчонки сзади почти высверлили в его затылке дырку своими взглядами, да еще и подглядывали в зеркало. И он был почти разочарован, когда его спокойно высадили и уехали. Сел на скамейку у ворот, спрятанную в «розовом гроте», закурил, позвонил Михаилу, чтобы разворачивал автомобиль, высланный за ним к торговому центру, послушал пение птиц, отхлебнул коньяка из фляги, чтобы унять растревоженную ногу. И тут старшая вернулась. Охранники молодцы, сработали на «отлично», но проклятое любопытство все-таки дернуло Люка обнаружить свое присутствие.

И что же? Ни выстрела, ни попыток соблазнения (хотя он понимал, что это глупо, за время поездки его можно было убить много раз). Но что же тогда надо проклятой девице?

Люк быстро, насколько позволяла нога, пошел к пункту охраны, как только собеседница скрылась из виду. Двое охранников подняли на него взгляды.

— Борис, сходи посмотри, что там, — обратился он к тому, что постарше. Тот кивнул и вышел из сторожки на улицу.

* * *

Сестры встретили мое возвращение вопросами «Ну как, получилось?», но я покачала головой.

— Девочки, меня даже внутрь не пустили.

— Ты молодец, что попыталась, — приободрила меня Полина. — Я бы со страху умерла.

Учитывая, что сестра училась на геологическом, отделение вулканологии, и уже проходила практику на вулкане, это был весомый комплимент.

— Что же нам теперь делать? — всхлипнула Каролинка. Ей только исполнилось двенадцать, и она очень просила взять ее с собой за покупками. Теперь она устала, перенервничала и отчаянно зевала. Алина, наша спокойная и немногословная сестра, обняла ее за плечи.

В стекло с моей стороны неожиданно постучали, да так неожиданно, что я взвизгнула. Заглядывал в салон тот же охранник, что разговаривал со мной по коммуникатору.

— Выйдите из машины, — сказал он. Девчонки испуганно приоткрыли.

— Что вам нужно? — Я приоткрыла окно чуть больше, всем видом показывая, что для нашего разговора этого достаточно.

— Нет, это вам что нужно? — резко спросил он. — С какой целью вы рвались в дом, почему не уезжаете сейчас?

— Да не рвалась я! — Я была уязвлена до мозга костей.

— Дяденька, — вмешалась Полина жалобно, — да у нас бензин кончился. А мы вашего хозяина подвезли, вот и думали, что вдруг он поможет. Машина полна продуктов, до заправки не дотолкаем, а если и дотолкаем, то оплатить нечем.

Лицо охранника смягчилось, и он снова оглядел нашу расстроенную компанию.

— Покажите багажник, — сказал он.

— Зачем?! — возмутилась я.

— Хотите помощи — показывайте. — Настойчивости ему было не занимать.

Я хотела послать его подальше и послала бы, если бы была одна. К сожалению, люди, находящиеся под твоей ответственностью, очень способствуют усмирению гонора, особенно если это младшие сестры.

Охранник тщательно просмотрел все пакеты, прохлопал дно багажника и повернулся ко мне.

— Можно ваши документы?

— Ну конечно. — Мне оставалось только язвить. — Можно и документы, и деньги. Правда, денег нет.

Он внимательно глянул на меня.

— Либо документы, либо мне придется вас всех обыскать.

— Мы бросимся врассыпную, — я протянула ему водительское удостоверение, — и будем визжать на всю улицу.

Охранник, по-моему, даже улыбнулся в усы и скомандовал:

— Ждите, сейчас попробую решить.

Он отошел, начал кому-то звонить.

— Да, — доносились его слова, — все в порядке, я проверил. У девочек кончился бензин, хотели попросить помощи. Да? Нет, скорее всего, нет. Михаил уже поехал домой. Да, понятно. Сейчас.

Усатый дядька выключил телефон и подошел к нам. Мы с надеждой, как цыплята на маму-курицу, воззрились на него снизу вверх.

— Хозяин зовет вас в дом, пока мы будем решать вашу проблему, — сказал он.

Я, конечно, и смутилась, и возмутилась, и попыталась отказаться. Решающим стал голос Каролины, которая пропищала, что хочет в туалет. Пришлось выбираться из машины и идти к дому. Ключи от автомобиля я оставила охраннику.

У ворот уже ждал лакей, который проводил нас в дом и пригласил, расположившись в небольшой гостиной, подождать, пока изволит явиться хозяин. Каролинка сразу же попросилась в дамскую комнату, и слуга повел сестру куда-то вглубь дома. Я села в мягкое кресло, и меня немедленно потянуло в сон. Встала я сегодня в шесть и была уже на пределе.

Полина и Алина изучали гостиную.

Да, комната была прекрасна, как и сам дом. Небольшая, но просторная, с диванчиком и несколькими креслами из зеленой кожи посередине, поставленными вокруг невысокого чайного столика из красного дерева. Высокие стены, обитые по низу светлыми деревянными панелями с вырезанными лилиями и розами, а по вер-

ху — такими же панелями из красного бархата. Камин — вычищенный, со стальными приборами на треноге и аккуратно сложенными дровами рядом. Книжные полки, уставленные книгами. Телевизор на полстены и небольшая, но мощная аудиосистема, из которой сейчас лилась приятная расслабляющая музыка.

Алина сразу схватила какую-то книгу, забралась с ногами на диван и погрузилась в нее. Я мельком увидела название: «Редкие и исчезающие виды живых существ». Ну, она всегда любила читать, поэтому и была самой умной из нас. Мне боги такого ума не дали, поэтому я и пошла учиться на медсестру в училище, параллельно подрабатывая на скорой помощи и ухаживая за престарелыми пациентами. Сейчас я работала в государственном госпитале хирургической сестрой, и это было неплохо. Денег платили мало, но их отсутствие было еще хуже.

Полинка ходила по комнате, изучая обстановку, изредка касаясь каких-то предметов пальцами. Она вдруг оглянулась, и я увидела в ее глазах отражение своих чувств. Семь лет мы не были в таком доме. Прошлое вовсе не забылось, оно просто спряталось, чтобы напоминать о себе тяжестью в груди и горькими сожалениями, которыми, впрочем, делу не поможешь. Поэтому я ободряюще улыбнулась ей и кивнула на кресло. Сядь, посиди, не трави себе душу, сестренка. Ну и мне, конечно.

В комнату вошла Каролина, уже успевшая где-то обзавестись чашкой с чаем, за ней — тот самый лакей, который нас встретил у ворот, с подносом в руках. Он ловко расставил по столику чайные приборы, разлил чай и водрузил в центр корзину со свежее испеченным хлебом. От сладковатого и душистого запаха у меня судорожно сжался желудок — после работы я ничего не ела. Сестренки, такие же голодные, как и я (кроме Каролинки), быстро окружили столик.

Раздалось какое-то дребезжание, и красивая пышная женщина в годах вкатила в гостиную тележку, полную еды. Она поздоровалась с нами («Здравствуйте», — поприветствовали мы ее нестройным хором), разгрузила содержимое тележки на столик и ушла. Теперь сидеть и ждать неизвестно чего было совсем невыносимо. Еда яростно пахла, желудок яростно грыз меня изнутри.

— Как королевши принимают, — горько произнесла Алина. Я усмехнулась, а Полинка нахмурилась. Каролина села на диван и, прихлебывая чай, рассказала, как она побывала на такой огромной кухне, где поместится весь наш дом и где та самая повариха, Мария Алексеевна, угостила ее чаем и конфетой и сказала идти в гостиную, ибо хозяин приказал нести туда ужин.

Тут вошел сам хозяин. Он выглядел посвежее и даже не таким страшным, хотя и симпатичным его при всем желании назвать было нельзя. Он заметно хромал и опирался на трость. По всей видимости, пока мы его ждали, наш попугайчик успел принять душ и переодеться.

— Вот мы и снова увиделись, — сказал владелец дома, кивая в знак приветствия. — Дамы, мне очень неловко, что из-за меня вы оказались в такой ситуации. Давайте поужинаем, а за это время слуги решат проблему.

— Вовсе нет. — Я с усилием подняла на него глаза. — Мы бы оказались в такой ситуации в любом случае. Это полностью моя вина, я не подумала заправиться заранее. Мы благодарны вам за ваше гостеприимство, лорд?..

Он улынулся, разгадав мой маневр.

— Лорд Кембритч. Теперь вы тоже можете представиться.

— Мы сестры, — медленно проговорила я.

— Я Каролина! — выкрикнула одновременно со мной младшенькая. Кембритч перевел взгляд на нее.

— Очень приятно, Каролина. А как зовут твоих сестер?

Ничуть не смутившись, Каролинка представила нас. Марина, Полина, Алина, Каролина. Что сделаешь, если с детства чувствуешь себя частью детской считалочки. Хорошо, что здесь нет Ангелины и Василины, а то ситуация стала бы комической. У родителей были накрепко связаны руки в том, что касалось выбора имен. Но на их месте я точно постаралась бы как-то соригинальничать. Хотя у нас традиция еще достаточно мягкая. Были и похуже. У Инлэндеров, правящей королевской семьи соседней с нами Инляндии, все мужские имена должны были начинаться на букву «Л». А в семействе Ши мужчины назывались именами, несущими значение, близкое к слову «великолепный». Каково всю жизнь прожить с именем Великолепный Ши? Лучше уж быть Мариной, так я думаю.

— А ваш род? — снова спросил он.

— Богуславские, — ответила я. Сестры посмотрели на меня и закивали. Богуславские — это одна из наших родовых фамилий. Правда, такая дальняя и малозначащая, что публично ее не объявляли никогда. На моей памяти — уж точно никогда.

— Вот и познакомились, — хрипло сказал лорд Кембритч. Глаза его впились в мое лицо, будто изучая или пытаясь что-то понять. Даже притом, что узнать нас было невозможно, мне стало не по себе. — Давайте ужинать.

Формат гостиной предполагал, что гости едят взяв тарелки в руки. По этикету в таких ситуациях хозяин сам ухаживает за го-

стями. Но так как ему было тяжело двигаться, эту роль взяла на себя я. Конечно, лорд Кембритч мог пригласить нас в столовую, но это означало бы ту степень близости, которой мы не обладали.

Я двигалась вокруг столика, выполняя пожелания хозяина и сестер, и чувствовала на себе его раздражающий взгляд. Больше всего я боялась, что он каким-то чудом узнает нас. Хотя это было невозможно, но кто поймет иррациональный страх? Поэтому я, не глядя на владельца дома, обошла вокруг столика, убедилась, что все имеют на тарелках всё, что хотят, и села на свое место. Наконец-то я могу поесть!

Полина, которая ела как птичка и весила столько же, увидев мое состояние, стала развлекать (и отвлекать, умничка моя, сестричка любимая) лорда, расхваливая его дом и расспрашивая об обстановке, о том, кто еще живет здесь (жил он один, со слугами), женат ли, где путешествовал, и задавая прочие обязательные и безопасные с точки зрения этикета вопросы.

Несмотря на голод, мне кусок в горло не лез. Я взяла чай в руки, откинулась на спинку кресла. Раздражал взгляд хозяина. Беспокойно было, как там моя машинка, каким образом нам помогут — дадут денег или залиют бензина — и насколько трудно будет ехать по загородной ночной дороге долгие два часа до дома. Я снова прислушалась к разговору.

— А что с вашей ногой? — учтиво спрашивала Полина, подливая лорду чай. — Надеюсь, ничего серьезного?

— Глупости, — отмахнулся Кембритч и снова искоса взглянул на меня. Достал, ей-богу. Я ясно представила, как размахиваюсь и бросаю чашку с чаем ему прямо в лицо. Последние несколько лет у меня бывали такие приступы, когда хотелось что-то разбить или кого-то убить. — Я как любитель был участником небольшого ралли в горном районе, не справился с управлением, и мы свалились с берега в реку. Больше воды наглотались.

— Ох, — сказала Полина, глядя на него лучистыми глазами, — вы же могли погибнуть!

Умничка моя. Умничка!

— Там не река, а одно название, — усмехнулся хозяин дома. Ага, а ты не хвастун и не тщеславен. — Да и было это полгода назад. Мы проехали почти полторы тысячи километров и стали бы первыми, если бы я не гнал слишком быстро и был осторожен на берегу.

В моей голове зашевелились обрывки новостей: ралли «Северная звезда», катастрофа, реанимация. Фотографии были во всех газетах и новостях. Странно, как я его сразу не узнала. Виконт Кембритч,

бывший гонщик, скандально известен в свете. Любитель, как же. Небольшое ралли, ага.

— А что говорят медики, что будет с ногой? — продолжала сестричка.

— Хромота постепенно уменьшается, но перегружать ногу не стоит...

Теперь все мои сестры смотрели на него с восхищением. Я же смотрела на девочек и забавлялась. Раненый герой, гонщик и к тому же лорд. Что еще нужно, чтобы заставить девичьи сердца биться чаще. Глупышки мои. Я сжала губы и отвернулась.

Черт, черт, черт, опять его взгляд! Ну что же такое! Пальцы крепче сжали ручку чашки, а с губ уже было готово сорваться колкое замечание. Не надо на меня смотреть. Я вам незнакома. У меня самая обычная внешность. Она не может вам никого напоминать.

— Марина, вы напряжены. Что-то не так?

Спросил все-таки, не удержался. Я изобразила светскую улыбку.

— Все в порядке, лорд Кембритч, спасибо за заботу. Я устала после смены, вот и кажусь не очень общительной.

— А где вы работаете?

— В областном госпитале, в Земноводске.

— Марина у нас хирургическая медсестра, — похвасталась Поли, — может, даже делала вам операцию после аварии.

Не сестренка, а святая простота. Наш хозяин улыбнулся, покачал головой.

— Нет, меня сразу переправили в Королевскую лечебницу, на листолете.

Понятно. Простых смертных на листолетах в лазареты не доставляют. Видимо, благородный облик воздушного корабля-капли не сочетается с неаристократической кровью.

— А живете вы где? — прервал он мои размышления.

Спас нас лакей, заглянувший в дверь и сообщивший, что машину заправили и перегнали в гараж особняка.

— Лорд Кембритч, благодарю вас за помощь и прием, но нам нужно ехать, — сказала я со слишком явным облегчением и отругала себя. — Время уже позднее, родные наверняка волнуются.

Лорд с изумлением и неодобрением посмотрел на меня.

— Госпожа Богуславская, неужели вы думаете, я отпущу вас из дома после полуночи, да еще и за рулем? Это просто возмутительно!

Да, это было на грани оскорбления, но пусть думает, что мы не знаем этикета, чем ломает голову над тем, откуда мы его знаем. И так уже подставились по полной.

— Тем не менее я настаиваю, — твердо сказала я, глядя ему в глаза.

— Ни в коем случае, — ответил лорд своим простуженным голосом, не менее твердо глядя на меня. — Мои предки мне этого не простят.

Мы сидели друг напротив друга, а девчонки на диванчике замолкли, перестали жевать и даже, по-моему, дышать, ожидая, чем закончится наше противостояние.

Казалось, что он смотрит уже не в мои глаза, а куда-то внутрь головы, в затылок, и пауза в те моменты, когда мы сверлили друг друга взглядами, затянулась до неприличия. Мир вокруг поплыл и заглох. Стучали часы, поскрипывало окно от ветра, я слышала, как колотится кровь в висках. Мы будто неслись навстречу друг другу на немыслимой скорости, и до столкновения оставались какие-то доли секунды.

Я с трудом отвела взгляд.

— Хорошо. Но рано утром мы уедем. Спасибо вам за все, что вы сделали для нас.

* * *

В эту ночь Люк Кембрич, властительный господин и лорд, долго не мог уснуть, пытаясь понять, что же в девицах Богуславских было такого не соответствующего их внешнему виду, и вспомнить, не мог ли он видеть их раньше. Но вспомнить виконт ничего не мог, как ни пытался сопоставить виденные им вечером девичьи лица с набором лиц из прошлого. И это было неудивительно — тех, кем его гости были раньше, он мог встретить только на официальных портретах и фотографиях много лет назад. Да и трудно было бы даже искушенному разуму сопоставить светловолосых и сияющих юных девушек и девочек с забредшими к нему потрепанными и усталыми девицами.

* * *

Я проснулась за светом, действительно рано, и в первый миг не поняла, где нахожусь. Затем все вспомнила. На часах было около пяти, но что поделаешь — привычка вставать на работу не оставляла мне выбора даже в выходные. Я просыпалась до восхода солнца, и уснуть снова не получалось, а валяние в кровати вызывало головную боль.

Вчера, измученная долгим днем и неудачным вечером, я просто упала в кровать. Мне едва хватило сил, чтобы снять одежду. А те-

перь я могла изучить комнату. Все равно сестер будить еще рано — да и по дому бродить тоже.

Спальня была обставлена выше всяких похвал. Сдержанные тона, много дерева. Огромная кровать у одной стены, напротив нее — туалетный столик с зеркалом. Справа от кровати во всю стену шторы, рядом с ними — столик, кресло. Слева — дверь в коридор, следом — двери в гардеробную и, по всей видимости, в ванную комнату. Ох, если там есть ванна, я знаю, чем займусь!

Ванна была. Нет, не так. Там была ВАННА. Огромная, со ступеньками, спускающимися ко дну, с батареей нераспечатанных бутылочек с шампунями, гелями и маслами. Огромное же зеркало, умывальник, напоминающий формой морскую ракушку, прикрепленную к стене. Кабинка с туалетом. Недолго поколебавшись, я повернула вентили кранов, и в ванну с гулом забили мощные струи воды. Почистила зубы, пока она набиралась, скинула белье и зашла в теплую воду получить свои полчаса удовольствия. Когда еще придется побывать в таком доме?

Через полчаса я приказала себе встать. Честное слово, не хотелось. Хотелось остаться тут жить, пока не раствориться в бурлящей от хитро сделанных массажных струй воде, спрятаться от того, что ожидало нас за пределами этого дома. Хотелось продлить сказку. Но по опыту я знала, что чем дольше ты в сказке, тем больше от нее отрываться. Поэтому я безжалостно выгнала себя из воды, жестко растерлась полотенцем и вышла из ванной обратно в спальню.

Стрелка на часах еще не дошла до шести — чем мне было заняться? Есть не хотелось, воды я напилась из стоявшего у кровати кувшина, книги навевали скуку. Хоть в окно посмотреть, что ли. Я подошла к тяжелым шторам, занимавшим всю стену и спускавшимся до пола, и с силой дернула их в стороны. И замерла, медленно отодвигая занавески до упора — сначала одну, потом другую.

Моя спальня находилась на первом этаже, а шторы закрывали огромное высокое окно во всю стенку.

А за волшебным окном колосилась пшеница мне по грудь, расцвеченная затесавшимися среди колосьев фиолетовыми вьюнками и голубыми колокольчиками. В розовом и красном сиянии из-за пшеничного поля поднималось солнце, и лучи его пробивались через утреннюю дымку, освещая мое лицо. Вдалеке виднелся какой-то лес. Слева вставали горы — судя по характерным красным склонам, пограничные Милокардэры, которые находились больше чем в тысяче километров от Иоаннесбурга.

— О боги, — прошептала я, потрясенная. Я была права — в таком доме мне вряд ли еще придется побывать. Рука сама потянулась к едва различимой двери в прозрачной стене.

Я вышла из дома. Прямо от двери через поле уходила узкая тропинка. Было уже жарко, как и всегда на юге. Пели полевые птицы, выющие гнезда прямо в пшенице. Стрекотали цикады. Мир был полон покоя и счастья.

Я не собиралась уходить далеко от дома, но тут вдруг побежала навстречу солнцу, крича от восторга, чувствуя, как давно забытое и зарубцевавшееся раскрывается новой надеждой, будто я сейчас смогу взлететь, полная этого чувства. Но не смогла — упала. И впервые за последние годы заплакала. Слезы пошли тяжелые, густые, будто из души изливался гной, прятанный все это время под старой раной; они липкими каплями падали на одежду, протекали сквозь пальцы, прижатые к лицу, и никак не хотели останавливаться. Я лежала, скорчившись, на боку, в одной майке и трусиках, посреди прекрасного, освещенного восходящим солнцем поля и тихонько, но безудержно выла, чувствуя, как судорожно царапает горло, как что-то сжимает сердце, как подкатывает к горлу тошнота, будто слез не хватало, чтобы извергнуть из себя все накопившееся.

Так я лежала достаточно долго, пока не кончились слезы. А с ними — и мое самоуважение. Семь лет я клялась себе, что не пророню ни слезинки после того, что случилось. Надо было быть сильной ради отца, ради сестер. И вот, хватило нескольких часов привета из прошлого, чтобы я расклеилась, а то, что так хорошо держалось внутри, вышло наружу.

— Простудитесь.

Нет, только не это.

Не глядя на него, я встала и пошла к дому. Он хромал следом.

Здесь, в южных полях, дом был одноэтажным, с полностью стеклянной стеной. Судя по отдернутым шторам в соседней комнате, этой ночью мы были соседями.

Перед входом я обернулась и постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. Насколько вообще может звучать уверенно голос девушки, одетой в тапочки, майку и трусики, измазанной с одного бока землей, с опухшим лицом и красными глазами.

— Спасибо за гостеприимство и помощь, лорд Кембритч. Мы в течение часа уедем. Прошу вас, не провожайте нас. Мы доставили вам немало хлопот.

Он покачал головой, но ничего не сказал. В глазах его я увидела понимание. Ситуация была неловка нам обоим.

— До свидания, — произнесла я сухо и, закрыв волшебную дверь, задернула шторы.

Мы приехали в Орешник к одиннадцати утра. Я была молчалива, сестры же наперебой обсуждали наше «приключение». В других обстоятельствах и я бы к ним присоединилась, но только не сейчас. Я еще глубоко переживала и свои слезы отчаяния, и неловкую ситуацию в поле за домом. Были и хорошие стороны — бак был полон, и его хватит надолго, продукты не испортились, так как их держали в холодильнике.

Кембрич так и не появился, а слуги очень вежливо нас накормили, собрали и проводили. Усатый охранник, прощаясь, даже подмигнул мне.

Папа копался в огороде. После гибели матери отцу надо было чем-то заниматься, чтобы мы не умерли с голоду. Работать по понятным причинам он не мог — кто же возьмет инвалида? А вот свое хозяйство как-то вдруг пошло. Огородом, курами и козами заведовал отец, а кухней и домом — Ангелина. Ей было уже под тридцать, и она фактически заменила нам мать, насколько ее можно было заменить.

А вот и она, машет из окна, приглашает скорее зайти в дом. Ветер и правда пронизывающий. Крупная Ангелина с раскрасневшимся лицом, закатав рукава, пекла пирожки. Мы дотащили пакеты и стали рассортировывать продукты: что в холодильник, что в чулан, что в погреб, семена — отцу на стол.

Девчонки со смехом рассказывали о вчерашних происшествиях, а я молча наблюдала за Ангелиной. Когда-то она была изумительно красива. На руках ее не было следов от ожогов, появившихся, когда она только училась готовить, и мозолей от работы в огороде. Учиться надо было быстро, ведь на попечении оказались бестолковые сестры и раненый отец.

У Ангелины тогда были длинные белые косы, а сейчас — закрученные в узел черные волосы чуть ниже плеч. Не было морщинок и усталой спины, не было потухших глаз.

«А ведь она помнит больше нас всех, — вдруг подумалось мне. Растревоженное прошлое никак не хотело возвращаться туда, где оно хранилось все это время. — Кто знает, что ей пришлось пережить, когда от нее отказался жених, когда у нее были самые блестящие перспективы и ей предрекали счастливую жизнь. Светлый Ангел, Снежный Ангел, так ее называли. Не плачет ли она каждую ночь так, как я сегодня?»

После смерти мамы я ни разу не видела Ангелину плачущей. Она всегда была тепла и всеобъемлюща, ее любви, казалось, хвата-

Ангелина Богуславская

ло на всех. Сестра полностью взяла на себя хозяйство и уход за отцом после произошедшего. Пока он выздоравливал, она фактически одна тянула на себе нас и дом. Мы, конечно, помогали по мере сил. Но именно Ангелина устроила младших в школу, неизвестно каким образом договорившись с директором, и настаивала, чтобы они учи-

лись. Именно она решала все вопросы с главой поселения, когда он интересовался, откуда в Орешник прибыла такая необычная семья. Именно она уговорила отца отпустить сестру замуж, когда королевский егерь, небогатый, но происходящий из древнего рода, попросил руки Василины.

Конечно, в прежние времена такой мезальянс был бы невозможен. Но не сейчас — приходилось быть практичными. Мы действительно никогда не сможем отплатить Ангелине за все, что она для нас сделала.

Полинка с Алинкой побежали в огород обнять отца и показать ему семена, которые они купили. Каролина помчалась в другую сторону — к соседским девчонкам. А я вымыла руки и стала помогать сестре.

ГЛАВА 2

Начало июля, Милокардэры

— Эй, Плишка, не теряй следа!

Охотники, забравшиеся так высоко на Драконий хребет, он же Стиральная доска, как только позволял разреженный воздух, остановились на привал, с усмешками наблюдая за самым молодым и неопытным, карабкающимся далеко позади. Кричать не следовало, чтобы не снять лавину, но удержаться от поддразнивания младшего товарища не было мочи. В команде каждый из них когда-то был новичком и каждый проходил через это. Что поделаешь, таковы законы существования в мужском коллективе.

Плишка упорно карабкался вверх, недоумевая, почему он решил пойти в охотники, а не остался, как заповедовала мамка, простым и понятным землепашцем. Позарился, дурак, на возможное богатство.

Охотники, убившие хотя бы одного снежного барана, потом ходили гоголями, сорили деньгами, все девки были их. Богатеи платили за шкуры баранов больше, чем крестьянин мог выручить за свой годовой урожай, а зубы, рога и железы маги выкупали еще охотнее. У каждого охотника был свой крепкий дом. Не барский, конечно, но получше, чем у селян. Вот и потянуло дурака на приключения.

Весь секрет ценности снежного барана был в том, что жил он там, где большинство людей уже теряли сознание от недостатка кислорода. Шкура его была непробиваема не только для пуль, но и для выпущенных пушечных ядер — в старину проверяли. Правда, от сло-

манных ребер она не уберегала, но от верной смерти — да. Питался сей реликт исключительно лишайниками, растущими в пещерах и на склонах Драконьего хребта, и лишайники эти в буквальном смысле делали его практически бессмертным.

Среди охотников упорно гуляла легенда о стаде горных снежных баранов, спрыгнувших с обрыва высотой в километр, разбившихся внизу почти в отбивные, а через пару часов восстановившихся и мирно пасшихся на лугу. Поэтому шкура шла на бронжилеты, доступные лишь очень богатым людям, доспехи для боевых магов, а все остальное, включая фекалии, — на различные лечебные микстуры, эликсиры и прочие лекарские штуки.

Почему не добывать этот лишайник напрямую? Потому что только в бараньем желудке он ферментировался, делая баранов неуязвимыми. Что не мешало им мирно помирать от старости. Но после естественной смерти волшебные бараньи свойства волшебным же образом испарялись, поэтому туши их годились разве что на еду. И то на любителя, ибо жилисты они были исключительно.

Поймать или загнать барана ввиду его не менее исключительной прыгучести было куда труднее, чем подстрелить. Били барана в ноздрю или в глаз. Но лучше в ноздрю, так как глаз портился, а значит, охотники получали меньше денег. Учитывая, что в глаз попасть ничуть не легче, чем в ноздрю, в стрелки шли только самые меткие, выносливые и жадные. И не каждой команде за всю жизнь удавалось убить снежного барана. Часто зверобои так и перебивались всю жизнь дичью поменьше и попроще. Счастливчикам же истово завидовали, их имена передавались из уст в уста, обрастая легендами и становясь сказаниями.

Горе-охотник Плишка поднял руку, чтобы убрать пот с лица... и упал, покатился вниз по склону. Гора заходила ходуном, тут и там змеились трещины, а от земного оглушающего гула душа уходила в пятки.

Вдруг все затихло. Плишка, пролетевший вниз не менее полукилометра, медленно, в звенящей тишине приходил в себя. Раздался топот сотен копыт, и, огибая охотника, вниз пронеслось стадо снежных баранов. Но Плишка даже не подумал дернуться к ружью. Он широко раскрытыми глазами, будто в каком-то трансе, наблюдал, как вершина горы, на которой сбоку была стоянка его товарищей, где металась и кричала в ужасе бегущие к нему люди, медленно и со страшным вибрирующим скрежетом сползает вниз. Линия разлома проходила именно там, где он стоял несколько минут назад. Огромная скальная масса с покрывающими ее ледниками, все уско-

ряясь, ползла к ущелью, пока не рухнула с оглушающим грохотом, взметнув фонтаны камней и снега. С гор вокруг побежали лавины, снег под Плишкой тоже дрогнул и рванулся по склону, увлекая охотника за собой.

Когда он вновь очнулся, то лежал почти у подножия горы, каким-то чудом оставшись в живых. Сверху продолжали сползать массивные языки снега и ледников, сыпаться камни. Речка, питавшая долину, была перекрыта огромным скальным осколком, бывшим когда-то пиком Драконьего хребта. Плишка поднял глаза на саму гору... и побежал, хромая, вниз по склону, попискивая, как загоняемый заяц, чувствуя, как еще немного — и вонзятся в спину длинные когти, поднимут, разорвут и разворотят. И было чего бояться.

Над срезанным пиком летали, потягивались, взмывали в небо и просыпались десятки и сотни давно исчезнувших ящеров — белых драконов.

Через три недели голодный и оборванный Плишка добрался до родной деревни. Деревенский голова, серьезный и обстоятельный мужик, выслушал рассказ чуть не двинувшегося от удивленного парня и отправил его к матери — откармливаться и отмываться. Строго-настрога велел молчать об увиденном. Убила охотников лавина — и все тут. Не бывать парню зверобоем, зато дурь из головы выбита надежно, будет крестьянствовать и мечтать о легком богатстве перестанет. Жаль, конечно, погибших, у многих остались дома, огороды... Ну, они всяко без хозяев не останутся, приедут родственники, заселятся.

Чуть позже голова сам собрался, не доверив это дело посреднику, с новостями к владельческому барону. Пробуждение белых драконов было не тем слухом, о котором можно было бы промолчать.

Начало августа, Иоаннесбург
Люк Кембритч

Глава разведки парламентской республики Рудлóg, она же Красное поле, в первый раз на памяти Люка Кембритча проявлял признаки волнения. Черный как смоль, с оливковым лицом и большими миндалевидными глазами, он скорее был похож на какого-то тидусского актера, чем на главу спецслужбы. Лицо его всегда выражало дружелюбие и уважение к собеседнику, губы были сложены в полуулыбку, а глаза так и светились вселенской добротой. Многие обра-

нывались, но не Люк. Лорд Кембритч видел своего начальника в деле и знал, что он, не моргнув глазом, отдаст приказ закопать живьем любого, если это будет нужно государству.

Начальник Управления государственной безопасности Майло Тандаджи был обладателем уникального ума, что и позволило ему из иммигранта и простого агента вырасти до нынешнего положения. Немало поспособствовала этому и революция. Останки его предшественника мирно гнили на Северном кладбище, что было, по мнению Люка, очевиднейшим свидетельством его, предшественника, профессиональной непригодности.

Кабинет, в котором Люк находился не первый раз, был расположен в Зеленом крыле бывшего королевского дворца, а ныне дворца правительства, и представлял собой апогей организованного хаоса. Каждый вошедший терялся среди обилия бумаг, карт, записок, схем, прикрепленных на стены, лежащих на полу и на стульях. Однако эффективности работы Майло это никак не мешало — казалось, что для него система расположения всего этого хлама вполне понятна и организована (впрочем, за некоторые бумаги из этого «хлама» главы разведок иностранных государств печень бы пожертвовали и обе почки).

Приглашение от Майло пришло Люку с утра. В нем начальник любезным образом сообщал, что, когда у лорда Кембритча найдется время, он хотел бы его видеть. У Тандаджи была странная страсть к кокетству, смешанному с язвительностью. По факту это означало, что Люку надо спешно поднимать свою задницу и мчаться в Управление настолько быстро, насколько возможно. Не забыв уничтожить послание, конечно. Слуги во все времена были любопытны и болтливы, а чем меньше людей знает о том, что лорд Кембритч сотрудничает с Зеленым крылом, тем лучше. Самим людям.

У выезда из дома он остановился возле поста охраны, опустил стекло, подозвал охранника.

— Борис, ты запомнил номер машины наших вчерашних гостей?

— А то! — обиделся охранник. — Я и номер водительских прав помню.

— Разбудь-ка мне информацию о них. Кто родственники, где работают-учатся, где живут, с кем встречаются. Ну, учить тебя не надо, сам все знаешь.

— Сделаю, лорд Кембритч.

Крутя руль, Люк вспоминал вчерашнее утро. Он так и не вышел проводить гостей, хоть это и было верхом пренебрежительности. Просто ему, 35-летнему прожигателю жизни, видевшему на своем

веку немало неприятных ситуаций, было чудовищно неловко. Он будто подглядел момент обнажения такого сокровенного горя, которому свидетелем не должен был быть ни один человек. Он и последовал-то за девушкой, потому что испугался, что она заблудится с непривычки, так как поле шло под уклон и разглядеть дом через несколько сотен шагов было невозможно. Потом потерял ее, наткнулся уже на лежащую и плачущую, похожую на маленькую девочку в этих своих майке и трусиках. Скрюченное тело на голой земле, в измятых колосьях не вызывало никакого эротического чувства, только жалость и неловкость, будто он подсматривает за чем-то непристойным. И он бы вряд ли открылся, но что-то толкнуло остановить ее вытье, безнадежное, как у собаки с перебитым позвоночником.

Хотя и заработал за это взгляд, способный заморозить даже вулкан.

Лицо Марины было ему незнакомо, но поведение вызывало много вопросов, а больше, чем машины и скорость, Люк Кембритч любил загадки. Нерешенная загадка мучила его днем и ночью, как зуд в труднодоступном месте, мешала заснуть, заставляя работать мозг и упорно искать решение. Зуд по этой загадке начался еще вчера, сразу после отъезда девушек. Промучившись день и ночь, Люк понял, что ему не хватает информации, и решил доверить ее сбор профессионалу.

Люк, опираясь на трость, дошел до кабинета начальника, постучал и зашел внутрь. Майло жестом показал ему садиться. Сам он что-то писал и, удивительное дело, периодически нетерпеливо постукивал карандашом по столу и поглядывал на дверь.

Но вот она открылась, и сзади раздались шаги. Люк повернул голову и мысленно присвистнул. Дело обещало быть не просто интересным, а **ОЧЕНЬ** интересным. В кресло у окна опустился премьер-министр Мйнкен, поприветствовавший лорда Кембритча легким кивком.

— Прежде всего, — заговорил премьер, — я вынужден просить всех присутствующих не упоминать о данном разговоре нигде и никогда.

Это предупреждение было излишним, но Люк и Тандаджи кивнули, подтверждая услышанное.

— Лорд Кембритч, господин Тандаджи рекомендовал вас как крайне молчаливого человека, специализирующегося на особо щекотливых делах.

Люк из чувства внутренней иронии промолчал, только кинул быстрый вопрошающий взгляд на начальника. Тот был невозмутим, как всегда.

Минкен молчание собеседника оценил, одобрительно сверкнув глазами.

— Еще раз прямо скажу, что дело, с которым я обратился в Зеленое крыло, крайне конфиденциально. Повторяю: никто, кроме нас троих, не должен знать об этом поручении.

Люка начало раздражать это хождение вокруг да около, и он с тоской вспомнил, что забыл сигареты в машине. Тандаджи был крайне демократичен, и, ежели сотрудник хотел курить, он мог курить в его кабинете — не прерывать же из-за этого совещание! Сам начальник рудложской разведки не курил. Точнее, курил, но не табак, что очень расстраивало его мамочку и жену, периодически объединившихся ради избавления сына и мужа от хоть и редкой, но вредной привычки, несмотря на перманентное состояние войны между собой.

Дело в том, что Тандаджи, как истинный тидүсс, был крайне привязан к маме и настоял, чтобы она жила в их с супругой замечательном доме. Но две хозяйки превращали его пребывание там в ад, поэтому трудоголиком Майло был не только прирожденным, но и вынужденным.

А уж наличие или отсутствие сигареты в руках сотрудника никак не мешало господину начальнику секретной службы хвалить его, если есть за что, или методично и досконально втоптывать в землю, ежели, не дай боги, сотрудник где-то напортал.

— Вам будет предоставлена только та часть информации, которую вам нужно знать, — продолжал Минкен, водя длинным пальцем с аккуратным ногтем по ручке кресла. На среднем пальце левой руки у него поблескивало черное кольцо-печатка, передающееся от одного премьера к другому. — Ваша задача — в кратчайшие сроки посетить указанных в этом списке людей и задать им необходимые вопросы. Ответы желательно записывать на диктофон, но так, чтобы, если вас перехватят, носитель не нашли, даже разделав труп.

Деликатный Тандаджи при слове «труп» чуть поморщился — не потому, что боялся или не одобрял разговоры о мертвых. В его должности с отошедшими в мир иной приходилось встречаться чаще, чем с любимой супругой, а некоторым (ладно, больше чем некоторым) и организовывать встречу с иным миром раньше срока. Просто в его ведомстве мальчиков не было, все знали инструкции и понимали, как нужно действовать, чтобы избежать утечки. А уж

возможную смерть тем более не обсуждали, заданию просто присваивалась степень сложности от самой легкой «Д» до самой сложной и опасной «А». «Агент всегда должен быть готов умереть», — любил повторять впитавший мудрость своего народа Тандаджи, читая лекции в школе службы внутренней и внешней безопасности. Правда, тидуссы вместо «агент» говорили «мужчина», но сути это не меняло.

— С необходимой информацией вас ознакомит подполковник Тандаджи, — закончил премьер и встал. — И, лорд Кембритч, — он понизил голос и пристально глянул на смотрящего на него снизу вверх виконта, — если ваши поиски увенчаются успехом, я вас не забуду.

После этих слов он величественно проследовал из кабинета, оставив Люка в веселом недоумении, а Тандаджи — в состоянии легкого недовольства от вторжения вышестоящего аристократа на его территорию. Впрочем, недовольство на лице Майло было скорее похоже на улыбку от дурман-травы.

— Что это было? — спросил Люк, когда шаги премьера затихли.

— Это, мой молчаливый друг, — равнодушно (но получилось с изумительным сарказмом) ответил Тандаджи, — очередная попытка войти дважды в одну реку. Подойди-ка сюда.

Люк послушно встал, прихрамывая, обошел стол и остановился у плеча начальника.

— Возьми в верхнем ящике, — обронил Майло, раскрывая толстенную папку, лежащую прямо перед ним. На папке наискосок была приклеена бирюзовая зачарованная полоса — знак высшей секретности. Папка настраивалась на конкретные руки, и открыть ее могли только несколько человек. В случае попадания не в те руки она мгновенно исчезала, чтобы появиться в огромном начальственном сейфе, стоявшем в святой святых Зеленого крыла — личной спальне Тандаджи, где его запрещалось трогать и в которой он отдыхал от трудов праведных и любимых домашних мегер.

Люк непонимающе глянул на начальника, наклонился открыть ящик и чуть не прослезился — там лежал блок сигарет его любимой марки «Вулкáник» и россыпь зажигалок.

— Отец родной, — простонал он, затягиваясь, — все, ты меня купи с потрохами. Я у тебя любимчик, да?

— Ты у меня головная боль, гонщик недоделанный, — процедил Тандаджи, брезгливо отряхивая пепел с драгоценных бумажек, хаотично застилающих стол. — Смотри сюда. Справишься — забуду про дурь с участием в ралли и сломанную накануне парламентской встречи ногу.

Люк опустил глаза в папку. Пилил начальник с большим умением, «поговорил и простил» — это было не про него. А проштрафился виконт знатно.

Тогда проходила какая-то архиважная встреча между братскими и связанными нерушимой дружбой (правда, Тандаджи едко называл эту дружбу взаимным зажатием в клещи) государствами Инляндия и Рудлог. Люку, как инляндскому коренному дворянину, предстояло провести среди соотечественников почти десять дней, занимаясь благородной разведкой, а если попросту — вынюхивать, подсматривать и подслушивать, не вызывая при этом подозрений из-за своего происхождения. Вместо этого он отдыхал в реанимации, выйдя из комы только на третий день.

Люк снова затянулся, глядя через плечо начальника на большое фото из папки. Фотография была обработана под черно-белый вариант, но все равно производила сильное впечатление.

Посередине сидит высокая статная женщина с очень светлыми, почти платиновыми волосами. На голове — изящная корона с семью зубцами. Взгляд ее полон силы, сама она немного полновата, но это не портит ее удивительную холодную красоту. Королева Ирина-Иоанна в тяжелом и широком бальном платье с узким корсетом и орденскими лентами, надетыми наискосок через обнаженное плечо, держит на коленях младшую дочь — четырехлетнюю Каролину. Из-за их близости видно, насколько волосы дочери темнее, чем у матери: если у королевы платина, то у принцессы, насколько он может судить по черно-белому снимку, скорее русые. Каролина с лицом-сердечком и убранными назад волосами очень старается не шалить, и поэтому вид у нее немного испуганный.

За королевой, положив одну руку на спинку ее кресла, а другую убрав за спину, стоит ее третий супруг — невысокий, с острым лицом, густыми бровями и лихо закрученными усами. Он одет в парадный полковничий мундир, а через плечо тоже спускается орденская лента. Святослав Федорович Волков, принц-консорт, представитель одной из древнейших фамилий Рудлога, не побоявшийся стать третьим мужем Ирины-Иоанны.

Справа от отчима, с гордо выпрямленной спиной и надменным взглядом, в пышном платье — 23-летняя принцесса Ангелина, дочь первого мужа королевы, лорда Виктора Ставийского. Насколько Люк помнил, лорд погиб в результате аварии листолета через пять-шесть лет после свадьбы. Ангелина единственная из всех, кроме королевы, несет на голове небольшую корону, как и положено первой на-

следнице. Этот день должен был стать днем ее помолвки, но особого счастья у девушки на лице не видно. У нее такие же светлые волосы, как у матери, но лицо более тонкое, волевое, с выделяющимися скулами и поджатыми губами. Да и сама она ниже ростом и гораздо стройнее, хотя каждый, кто видит ее властный взгляд, меньше всего обращает внимание на хрупкость принцессы. Бальное платье обнажает тонкие руки и выделяющиеся ключицы. На вкус Люка, она даже слишком худая и маленькая. Надо, чтобы у женщины было хоть какое-то подобие груди.

По другую сторону от Святослава стоит принцесса Василина. Ей девятнадцать, и она тоже дочь от первого мужа, очень похожа с сестрой. Но, в отличие от кронпринцессы, в глазах ее видно хоть что-то человеческое — теплота, доброта, спокойствие. Возникает ощущение, что она ободряюще улыбается фотографу, внезапно оробевшему от такого количества королевских особ. Она выше и крупнее Ангелины, но кажется больше только по сравнению с первой наследницей. Если сравнивать со среднестатистической женщиной, Василина очень стройна. Но ее стройность, в отличие от сестринской, не вызывает желания запереть в столовой и кормить, пока не нарастет хоть немного мяса. У принцессы мягкие светлые кудряшки до плеч, схваченные обручем, покрытым драгоценными камнями. На плечах — меховая накидка. Василина стоит вполоборота, и платье в стиле ампир мягко облегает ее фигурку. Мужской взгляд невольно останавливается на очень аппетитных выпуклых ягодицах, деликатно прикрытых светлой тканью платья.

Рядом с Василиной — принцесса Марина. Девушка находится в самой поре девичьего цветения, ей шестнадцать, но ее волосы собраны в строгую прическу с минимумом украшений, платье простое, длинное, перетянутое на талии пояском, с закрытым декольте и руками. Она смотрит прямо в камеру, но напряжение в глазах и линии рта позволяет предположить, что ее раздражает и фотограф, и процесс фотографирования и хочется поскорее скрыться. Фигурка тем не менее у нее очень приятная, напоминает песочные часы. Люк посмотрел в сопроводительную записку — Марину королева родила от второго супруга, графа Михаила Романовского, который погиб через два года после рождения дочери. А три младшие — дети последнего мужа, принца-консорта Святослава.

Принцесса Полина — рядом с первой наследницей. У нее короткое каре с прямой густой челкой, сильно подведенные, несмотря на очень юный возраст — всего двенадцать! — и горящие любопытством глаза, оригинальное асимметричное платье, но тем не менее

вполне светское, в пол. Она еще подросток, и фигура у нее мальчишеская, спортивная, развитая.

Алина младше Полины на два-три года, стоит с другой стороны. Девочка тоже кудрявая, как Василина, но не так выразительно, волосы ее скорее волнистые. Заколотые сверху, снизу они свободно спадают на спину. У нее единственной из всей семьи очки, за которыми практически не видно глаз. Платье красивое, но какое-то невыразительное, что ли. Девочка худенькая и производила бы жалкое впечатление, если бы не сильная линия подбородка и губ и разворот плеч, свойственный всей семье Рудлог. В этих плечах нет никакой мягкости, будто на них можно положить весь мир, и они не согнутся.

— Это их последняя официальная фотография, — сказал наконец Тандаджи. — Старшей принцессе тогда было двадцать три, значит, сейчас ей около тридцати. Младшей — почти пять, значит, сейчас ей двенадцать. Неизвестно, жив ли отец. Королева погибла в результате переворота.

Люк повертел окурок в руке, ища глазами пепельницу, и Майло сунул ему под руку какую-то чашку с засохшими чайниками.

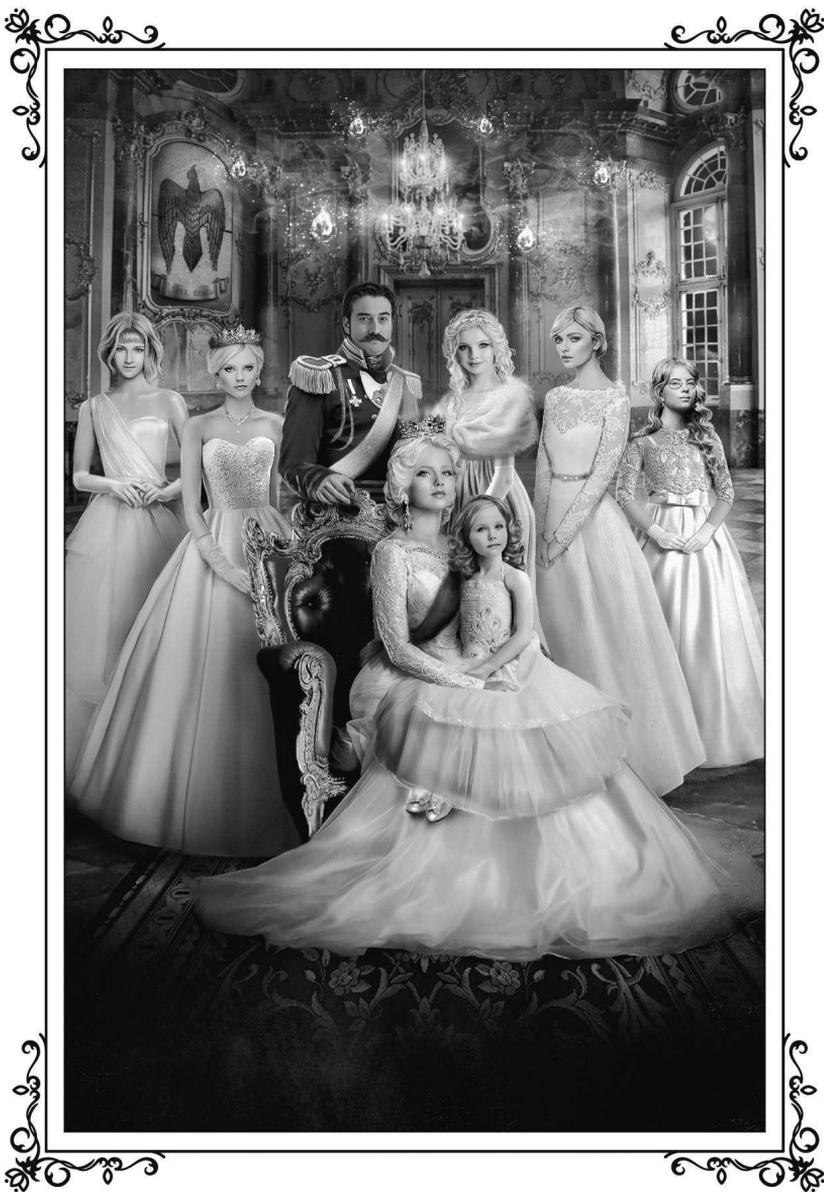
— В деле материалы твоих предшественников. Принцесс искали буквально везде, но они как сквозь землю провалились. Из чего я делаю вывод, что они либо тоже погибли, либо прячутся где-то за границей, что очень усложнит дело, либо разделились и растворились где-нибудь в глубинке.

— Это и есть мое задание? — хриплым после курения голосом спросил Люк. Он не спрашивал, зачем их искать: если надо, ему скажут, а если не говорят, то лишняя информация — лишние заботы.

— Твое задание, мой азартный друг, — повторно собрать информацию у тех, с кем наши красавицы близко контактировали при жизни во дворце. Няни, подруги, любовники... Хотя их вроде бы не было, и это странно... при такой-то матери.

Люк, воспитанный, в отличие от Тандаджи, в культуре, благоговеино относящейся к монархам и прощающей им их слабости, поморщился. Какая бы она ни была, все-таки королева. А начальник продолжал:

— Да, мы уже общались со всеми указанными в списке шесть лет назад, когда правительство только восстанавливалось и нужен был монарх для укрепления государства. Но тогда мы искали девушек у этих людей. Сейчас другие агенты прочесывают Рудлог, а тебе нужно искать информацию. Возможно, кто-то из королевской семьи имел тайного возлюбленного, кто-то состоял в секте или клубе, кто-то баловался наркотой, а кто-то разводил на стороне птичек на продажу. Мне нужна любая зацепка, потому что все, что было, мы уже

отработали. Все, что помню лично я, тоже отработано. Любая, даже невероятная версия о том, где они могут быть, нам поможет.

Люк не мог не вспомнить о девушках с такими же именами, как у принцесс, в машину которых он сел. Но лица у них были совсем другие. О пластике там речь не шла, у Люка на это дело глаз был на-

метан, а магически наведенная личина просто исчезла бы при входе в дом. Практически у всех аристократов стоял полог, деактивирующий маскировочные заклинания. Но Кембритч все равно мысленно похвалил себя за то, что попросил Бориса собрать информацию, обещав себе разобраться до конца, чтобы точно быть уверенным — вчерашние девушки не имеют отношения к пропавшим принцессам.

— А потом, после того как ты сотрешь ноги по, гхм, бедра, бегая по данным адресам, у меня для тебя будет еще одно особое задание. — Майло что-то написал на маленьком листке бумаги, запечатал лист в конверт и отдал подчиненному вместе с папкой, где были собраны адреса и телефоны всех тех, с кем хоть как-то контактировали принцессы.

— Еще особое, чем имеющееся крайне особое задание? — заинтересовался Кембритч.

— Гораздо особое, — ехидно подтвердил Тандаджи, волшебным образом не меняя ни выражения лица, ни тона голоса. Люку иногда казалось, что он сам придумывает эмоции в речи начальника.

— Надо передать одному человеку мое послание, — сказал тидусс, выразительно глядя на виконта. — Но вот беда — я не знаю ни как его сейчас зовут, ни где его можно найти.

Люк, не удержавшись, закатил глаза. Порой ему думалось, что задания в стиле «пойди туда, не знаю куда» руководитель придерживает специально для него.

— Оригинально, — хрипло сказал он, потянувшись ко второй сигарете.

— Ну ты же мой любимчик! — Кембритч мог бы поклясться, что уловил-таки на физиономии Майло глумливое выражение. — Для тебя все самое сладенькое.

Виконт передернул плечами.

— Что за выражения, Майло? Сладенькое, гладенькое. Ты со своими стервами не решил ли из честных мужиков переквалифицироваться?

— Ты пошути еще, — равнодушно сказал Тандаджи, — и следующим заданием переквалифицироваться придется тебе.

— Все, понял, не буду больше. — Люк выставил перед собой ладони, словно защищаясь. Сигарета чадила, зажата между пальцами. — Так кого там надо найти?

Выходя от начальника, он чертыхался. Больше всего на свете (после нотаций отца) Кембритч не любил рутинную работу. Его коньком были импровизации, мгновенные операции, можно ска-

зять блицкриги. И каждый раз, получив от Тандаджи задание, предполагавшее длинный и нудный перебор вариантов, наблюдение или, не дай боги, копание в бумажках, он обещал себе, что, как только закончит, уволится на хрен. Но после удачных заданий увольняться на волне эйфории не хотелось, а после неудачных — не хотелось уходить проигравшим. Сам того не понимая, Люк плотно прикипел к работе Зеленого крыла — она дарила ему чувство опасности, исключительности и свободы. А это немаловажно, если твой отец всю жизнь пытается подчинить тебя своей воле.

ГЛАВА 3

Начало августа, Иоаннесбург

Большой Высокий Совет бурлил и волновался. Почтенные мужи и молодые дворяне были на взводе, распорядитель тщетно пытался успокоить их, повелев разносить пирожные и прохладительные напитки. В баронской ложе уже затребовали коньяка, и отсутствие одного грозило перерасти в погром.

Старички в орденах и лентах обсуждали что-то громкими ломкими голосами, не замечая внимательно наблюдавшего за ними премьер-министра.

— Это надолго, — сказал Ярослав Михайлович Минкен министру обороны тоном человека, знающего, что в кабинете его ждет непаханный край работы, но смирившегося с вынужденной проводочкой.

Министр обороны согласно кивнул, созерцая из министерской ложи стремительно заполняющуюся чашу Высокого Совета.

Прозвучал звонок, привлекая внимание к трибуне.

Почтенные владетельные лорды создавали ворчливый гул, тем самым живо напоминая министру Минкену гул нерадивых студиязов в аудиториях.

Спикер Слёвин еще раз прокашлялся и наклонился к микрофону. Сам он был похож на бульдога, говорил медленно, с остановками, иногда словно забывая, о чем хотел сказать. Впрочем, выбрали его на занимаемую должность не за красноречие и педагогические таланты (потому что только блестящий педагог, по мнению премьер-министра, мог бы справляться с ныне неуправляемой толпой самодовольных лордов), а по причине глупости самого Слевина. После переворота и последующих событий дворянство не стремилось

занимать видные должности, так как останки предшественников просто вопияли о том, что дело это опасное и, прямо сказать, расстрельное. Вот он, Ярослав Минкен, вполне осознанно согласился на пост премьера, понимая, что второго шанса не будет. А кто не рискует, тот до конца жизни останется на периферии большой политики. Спикер же Слевин стал спикером просто потому, что по глупости своей не понимал опасности.

— Господа и дамы, в связи с чрезвычайным происшествием на юге страны, о котором в той или иной степени вы все осведомлены... эээммм... да-да, осведомлены... кхе-кхе... эээ... сейчас на трибуну поднимется distinguished ректор Университета магии и магических наук, профессор... эээммм... Александр Данилович Свидёрский.

В зале внезапно стало тихо-тихо, так что было слышно, как бурчит в животе у кого-то в третьем ряду.

Лорда Свидерского ввели под руки двое его помощников. За последний месяц профессор Свидерский очень изменился. Он выглядел очень старым, гораздо старше, чем любой в этом зале. Совершенно седой, с прямой как спица спиной, с чисто выбритым лицом, изборожденным глубокими морщинами. Его подвели к трибуне, он оперся на нее и кивком отпустил помощников. Глаза его, глаза молодого человека на лице старика, внимательно обвели зал, отмечая знакомых. Многие отводили взгляд. Алекс Свидерский в последний месяц не показывался на публике. Часть присутствующих помнила его еще крепким, активным мужчиной, выглядевшим максимум на тридцать пять лет. И сейчас все были в шоке и пытались понять причины такого быстрого изменения.

— Приветствую уважаемое собрание. — Голос у старика остался мощным, его было слышно во всех уголках чаши Совета без усиления. — Прежде чем я начну говорить, вы обязаны подписать заговоренные копии соглашения о неразглашении информации, которые сейчас появятся перед вами.

Стоящий за ним помощник махнул рукой, и на столики перед парламентариями и министрами опустился «кровавый набор», как ехидно называл его Минкен, — лист с соглашением, упаковка со стерильной иглой и кровеостанавливающий пластырь. В зале недовольно заворчали.

— Информация настолько серьезна, что мы не можем допустить ее разглашения, — пояснил Свидерский.

— Но мы можем поклясться, слово дворянина! — выкрикнул хвастун и забияка Ампи́лбгов с последнего ряда. Минкен поморщился,

а сидевший с мягкой улыбкой на лице Тандаджи сделал себе мысленную пометку занести дурачка в список под наблюдение. Расположившиеся вокруг крикуна провинциальные дворянчики одобрительно загудели, старожилы же смотрели искоса и качали головами. — Зачем это позорное кровопускание?

— Юноша, — произнес профессор наставительно и с некоей снисходительностью, показывающей, что он вынужден тратить драгоценное время на идиота, — дворянское слово не уберезет от воздействия алкоголя, наркотиков или красивой бабы-шпионки... — В зале тихонько захихикали. — И тем более не спасет от хорошего менталиста или духовника. А соглашение, закрепленное вашей кровью и зачарованное на исполнение, заставит вас молчать даже при магическом воздействии.

Ампилогов покраснел от осознания собственной дурости, дернул иголку из упаковки, быстро проколол себе палец и показательно приложил его поверх надписи «Расписываться кровью здесь». В зале тут и там раздавалось ойканье и шипение, когда почтенные лорды дырявили себе пальцы. Леди Маришку Бжэжек, боящуюся вида крови, пришлось откачивать от обморока нюхательными солями.

Наконец суета закончилась, документы по взмаху помощника аккуратно поднялись в воздух, потрепетали, просыхая, и с разных сторон, как косяки уток по весне, потянулись в руки молодого мага, оформляясь в аккуратную папочку. Профессор кивнул ученику, и тот эффектно исчез, унося с собой заветные листочки. Лорд Свидерский снова тяжело оперся на трибуну.

— Продолжим. Как вам всем известно, около месяца назад, в конце июня, произошла катастрофа — обрушился Драконий пик. По свидетельствам очевидцев, над обрушенной горой видели драконов, которые потом улетели в южном направлении.

В зале зашумели, послышались выкрики «Так это правда?», но голос волшебника перебил шум, зазвев так, что задрезбуждали витражи в окнах зала собраний.

— Наши менталисты работали там две недели, плотно сотрудничая с агентами господина Тандаджи. — Кивок в сторону начальника тайной службы и ответный подтверждающий кивок от Майло. — Послушали и прощупали свидетелей, изучили скол горы. В памяти очевидцев есть четкие картины кружащихся и пролетающих над головой драконов. На образовавшейся террасе найдены останки трех драконов, а также углубления в форме спящего в позе эмбриона ящера. — Свидерский прокашлялся, выдержал паузу и тихо доба-